

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЗАХСТАНА И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Серик Султанов^{1*}
Дина Нурпейсова²
Айкерим Байзакова³

^{1*} Доцент кафедры «Политология» Южно-Казахстанского исследовательского университета имени Мухтара Ауэзова, доктор политических наук; Шымкент, Казахстан, e-mail: sultanovser999@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8854-4945

² Старший преподаватель кафедры «Политология» Южно-Казахстанского исследовательского университета имени Мухтара Ауэзова; Шымкент, Казахстан, ORCID: 0009-0009-8854-4945

³ Магистр кафедры «Политология» Южно-Казахстанского исследовательского университета имени Мухтара Ауэзова; Шымкент, Казахстан

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.005>

Аннотация. В статье анализируется эволюция партийных систем стран Центральной Азии в контексте процессов политической модернизации и институциональных преобразований. Особое внимание уделяется Казахстану, где после конституционной реформы 2022 года произошли значительные изменения в партийно-политической структуре и электоральных механизмах. На основе официальных данных Центральных избирательных комиссий и парламентов пяти государств проведено сравнение уровня политической конкуренции, динамики регистрации партий, состава высших представительных органов и участия граждан в выборах. Анализ показывает наличие разных моделей партийного развития: от относительного плюрализма в Кыргызстане до жёстко контролируемых систем Таджикистана и Туркменистана. Казахстан и Узбекистан занимают

промежуточные позиции, демонстрируя сочетание элементов либерализации с сохранением доминирования правящих политических сил. Исследование выявляет снижение электоральной активности, институциональные барьеры для партий и ограниченность реальной политической конкуренции в большинстве стран региона, а также определяет возможные направления трансформации партийных систем в условиях продолжающейся модернизации.

Ключевые слова: партийные системы, политическая модернизация, политическая конкуренция, Центральная Азия, Казахстан, политические институты, выборы.

САЯСИ ЖАҢҒЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ПАРТИЯЛЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ: ҚАЗАҚСТАН МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Серік Сұлтанов^{1*}, Дина Нұрпейісова², Айкерім Байзақова³

^{1*} Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті «саясаттану» кафедрасының доценті, саяси ғылымдар докторы, Шымкент, Қазақстан, e-mail: sultanovser999@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8854-4945

² Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті «саясаттану» кафедрасының аға оқытушысы, Шымкент, Қазақстан, ORCID: 0009-0009-8854-4945

³ Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті «саясаттану» кафедрасының магистрі, Шымкент, Қазақстан, ORCID: 0009-0002-8684-1435

Аңдатпа. Мақалада Саяси модернизация және институционалдық қайта құру процестері аясында Орталық Азия елдерінің партиялық жүйелерінің эволюциясы талданады. 2022 жылғы конституциялық реформадан кейін партиялық-саяси құрылым мен сайлау тетіктерінде елеулі өзгерістер болған Қазақстанға ерекше назар аударылады. Орталық сайлау комиссиялары мен бес мемлекет парламенттерінің ресми деректері негізінде саяси бәсекелестік деңгейі, партияларды тіркеу динамикасы, жоғары өкілді органдар құрамы және азаматтардың сайлауға қатысуы салыстырылды. Талдау Қырғызстандағы салыстырмалы плюрализмнен бастап Тәжікстан мен Түрікменстанның қатаң бақыланатын жүйелеріне дейінгі партиялық дамудың әртүрлі модельдерінің болуын көрсетеді. Қазақстан мен Өзбекстан билеуші саяси күштердің үстемдігін сақтай отырып, ераықтандыру элементтерінің үйлесімін көрсете отырып, аралық позицияларды иеленеді. Зерттеу сайлау белсенділігінің төмендеуін, партиялар үшін институционалдық кедергілерді және аймақтағы көптеген елдердегі нақты саяси бәсекелестіктің шектелуін анықтайды, сондай-ақ жалғасып жатқан жаңғырту жағдайында партиялық жүйелерді трансформациялаудың ықтимал бағыттарын анықтайды.

Түйін сөздер: партиялық жүйелер, Саяси жаңғырту, саяси бәсекелестік, Орталық Азия, Қазақстан, Саяси институттар, сайлау.

EVOLUTION OF PARTY SYSTEMS IN THE CONTEXT OF POLITICAL MODERNIZATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF KAZAKHSTAN AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Serik Sultanov^{1*}, Dina Nurpeysova², Aikerim Baizakova³

^{1*} Associate Professor of the Department of Political Science of Mukhtar Auevov South Kazakhstan Research University, doctor of Political Sciences, Shymkent, Kazakhstan; e-mail: sultanovser999@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8854-4945

²Senior lecturer of the Department of Political Science of Mukhtar Auevov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan; ORCID: 0009-0009-8854-4945

³Master of the Department of Political Science of Mukhtar Auevov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan; ORCID: 0009-0002-8684-1435

Abstract. The article analyzes the evolution of the party systems of the Central Asian countries in the context of the processes of political modernization and institutional transformations. Special attention is being paid to Kazakhstan, where significant changes have taken place in the party and political structure and electoral mechanisms since the constitutional reform of 2022. Based on official data from the Central Election Commissions and parliaments of the five states, a comparison was made of the level of political competition, the dynamics of party registration, the composition of the highest representative bodies and the participation of citizens in elections. The analysis shows the existence of different models of party development: from relative pluralism in Kyrgyzstan to the tightly controlled systems of Tajikistan and Turkmenistan. Kazakhstan and Uzbekistan occupy intermediate positions, demonstrating a combination of elements of liberalization while maintaining the dominance of the ruling political forces. The study reveals a decrease in electoral activity, institutional barriers for parties and limited real political competition in most countries of the region, and also identifies possible directions for the transformation of party systems in the context of ongoing modernization.

Keywords: *party systems, political modernization, political competition, Central Asia, Kazakhstan, political institutions, elections.*

Введение

Процессы политической модернизации в странах Центральной Азии представляют собой сложное и многоаспектное явление, которое тесно связано с развитием политических партийных систем. В современной политической обстановке региона изменения в структурах партий определяются как внутренними общественно-экономическими изменениями, так и воздействием внешних факторов, включая влияние глобальных политических тенденций. Особый интерес представляет сравнительный анализ систем партий Казахстана и других стран Центральной Азии. Эти государства имеют различные модели партийной конкуренции и отношений между государством и партией, несмотря на сходство исторического наследия и политической культуры.

Актуальность данного исследования обусловлена текущими изменениями институциональной среды политических систем в странах Центральной Азии. В регионе наблюдается устойчивое сочетание формально многопартийного устройства с авторитарными методами управления. Несмотря на заявленные цели политической модернизации и демократизации, фактическое участие политических партий в управлении государством и в реальной политической конкуренции остаётся ограниченным. В условиях глобальных геополитических вызовов и внутренней нестабильности отдельных режимов особенно важным становится сравнительный анализ партийных систем стран региона. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан демонстрируют различные модели партийной жизни от ограниченно конкурентных до полностью контролируемых или фактически однопартийных систем. Это требует всесторонней оценки уровня политической открытости, электоральной конкуренции и функциональной значимости партий в указанных государствах.

Это исследование направлено на изучение процессов развития партийных систем в условиях политической модернизации. Анализируются факторы, влияющие на изменение структуры партийных систем и определяется уровень демократизации партийного поля в странах региона. Основная гипотеза исследования заключается в том, что политическая модернизация оказывает разнобразное воздействие на партийные системы Центральной Азии. В результате формируются уникальные пути их развития в зависимости от уровня политического многообразия, институциональных изменений и участия гражданского общества в политических процессах. Для достижения поставленной цели в работе рассматриваются следующие задачи:

1. Проанализировать ключевые теоретико-методологические концепции изучения партийных систем в рамках политической модернизации.
2. Охарактеризовать основные этапы формирования политических партий в Казахстане и других странах Центральной Азии.
3. Изучить сходства и различия между моделями партийной конкуренции и структурой партийных систем в ракурсе институционального оформления.
4. Изучить, как политические изменения влияют на развитие партийных организаций.
5. Оценить возможности будущего развития политических систем региона с учетом мировых и региональных политических тенденций.

Основная методология исследования опирается на сопоставительный анализ, институциональный подход и теорию политической модернизации. Применение различных методов, как качественных, так и количественных, позволит осуществить всесторонний анализ изменения партийных систем и выявить основные направления их развития.

Таким образом, проведенное исследование поможет не только углубить теоретические представления о развитии политических партий в условиях политической модернизации, но также предложить практические рекомендации по увеличению эффективности партийных структур в Казахстане и странах Центральной Азии.

Литературный обзор

Изучение изменений в партийных системах в странах Центральной Азии

требует учета как эмпирических данных, так и теоретических подходов. Для анализа количественных показателей регистрации партий и их участия в выборах использовались информация, опубликованная на официальных сайтах Центральные избирательные комиссии пяти стран региона: Казахстана [1], Кыргызстана [2], Узбекистана [3], Таджикистана [4] и Туркменистана [5]. Эти ресурсы предоставляют информацию о действующих партиях, правилах регистрации, избирательных кампаниях и итогах голосований.

Теоретические концепции анализа политической культуры и процессов модернизации были рассмотрены в работах С.Г. Кара-Мурзы [6], где автор акцентирует внимание на влиянии традиционных институтов на осознание и принятие демократических принципов. Похожие акценты замечены у Г. Сатаров [7], исследующего особенности партийных структур в странах СНГ и указывающего на ограниченность их функционала, а также у А. Сулейменова [8] сосредоточившегося на вызовах модернизации политической системы в Центральной Азии, подчеркивая зависимость её скорости от легитимности и стабильности руководства региональных стран. Актуальные сравнительные анализы политических прав и свобод в этом регионе представлены годовыми обзорами Freedom House [9, 22], в которых подчёркивается замедление демократических процессов и ограничение возможностей политической конкуренции. Особенно заметно сокращение количества политических партий и ужесточение административного контроля над процессом выборов. Отчеты отмечают уменьшение числа партий и увеличение административного контроля над избирательным процессом в целом. Данные и аналитические отчеты International IDEA дополняют это описание институциональными характеристиками политических систем, включая информацию о финансировании, юридическом регулировании и представительстве интересов гражданства. [10, 23]. Важным концептом для понимания формальной многопартийности и реальной конкуренции является термин «конкурентный авторитаризм», предложенный С. Лвицкий и Л.А. Уэйем [11]. В соответствии с заявлениями авторов в некоторых странах постсоветского пространства - например в Казахстане и Узбекистане - проводятся выборы и существуют формальные институты демократии. Однако фактически политическое поле контролируется доминирующими элитами. В данном контексте исследование М. Фиш [12] рассматривает недостатки открытых политических процессов в постсоветской Евразии, в то время как Н. Мелвин [13] исследует Узбекистан как пример авторитарной консолидации власти при сохранении формальных институтов. К. Коллинз [14], в свою очередь, обращается к значению кланов и неформальных сетей в переходных режимах Центральной Азии и показывает их влияние на формирование партий и замену политических элит. Дж. Хизэршоу и Е. Шатц [15], проводя свое исследование, раскрывают парадоксальную устойчивость авторитарных режимов даже при наличии институциональной слабости [16]. Особенное внимание уделяется Казахстану и Кыргызстану как примерам «мягкого авторитаризма», где используются методы контроля над сообщениями и управляемого множественного представительства. С. Камингз [17], в своих исследованиях анализирует процессы изменения власти и политической конкуренции в этом регионе с фокусом на институциональные противоречия и символическую легитимизацию. М. Ларуэль [18] также изучает взаимодействие символов, риторики и социальной

действительности в контексте Казахстана. С.Кендзер [19] показывает интернет в Узбекистане как площадку для выражения оппозиционных мнений при строгом контроле над офлайн-политикой. Исследование М. Б. Олкотта [20] фокусируется на возможностях второй волны политических преобразований в условиях персоналистского правления. Данные ОБСЕ [21] предоставляют наблюдения за процессами выборов и фиксируют случаи нарушений избирательного процесса, ограниченный доступ оппозиции и доминирование структур власти. Эти сведения дополняют обширное изложение в ежегодных отчетах Freedom House [22] и International IDEA [23], где подчеркивается системное ограничение политической конкуренции в регионе при наличии формальных многопартийных систем. Таким образом, совокупность представленных источников представляет возможным не только оценить положение партийных систем и политической конкуренции в странах Центральной Азии, но и выявить их институциональные ограничения в рамках политической модернизации.

Методология исследования

Это исследование основано на комплексном подходе к изучению эволюции политических систем в странах Центральной Азии в период политического обновления. Методологическая основа включает сравнительный анализ системы партийных структур и использование как количественных, так и качественных методов исследования.

В рамках сравнительного анализа изучаются партийные системы Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана с целью выявления общих закономерностей и специфики их развития. Этот подход позволяет провести сравнение уровней политической конкуренции, изменения партийного ландшафта и влияние модернизационных процессов на институциональную структуру партий.

Изучение структуры и функционирования политических партий в рамках институционального анализа касается их взаимодействия с органами власти и общественными организациями. Особое внимание уделяется нормам законодательства, регулирующим процессы партийной деятельности: конституционные положения, законы о политических партиях и избирательное законодательство. Также изучаются механизмы государственного финансирования партий. Подход системного анализа позволяет рассматривать партийные системы как часть более обширной политической структуры, где взаимодействуют государственные органы власти, избиратели, гражданское общество и международные политические факторы. Этот методологический инструментариум способствует глубокому пониманию динамики партий при реформировании политической системы и изменении социально-экономических условий.

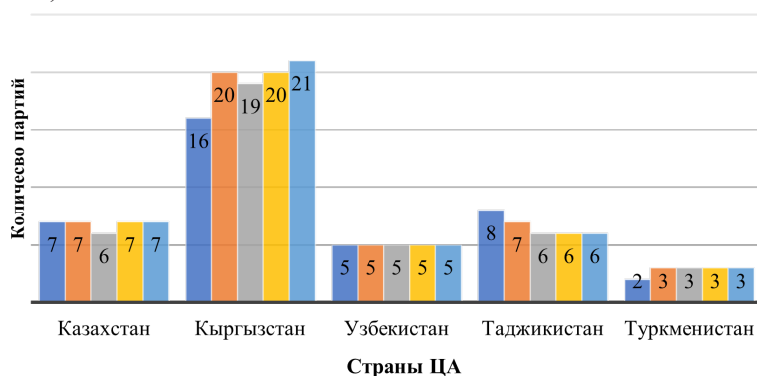
Важной составляющей исследования является анализ контента, который применяется для изучения документации политических партий: их идеологических оснований, электоральных стратегий и официальных заявлений для оценки эволюции партийной риторики и уровня идеологического разнообразия в контексте участия партий в политическом процессе. Для анализа количественных данных в исследовании применяется описание статистики. Это включает организацию и толкование выборочных показателей вроде ко-

личества зарегистрированных партий, уровня представительства в парламентах и явки избирателей. Информация представлена в виде таблиц и диаграмм для наглядного отображения основных тенденций развития политических систем стран Центральной Азии. В ходе исследования использованы официальные данные Центральных избирательных комиссий этих стран и аналитические отчеты международных организаций (ОБСЕ, Freedom House, International IDEA), а также научные статьи ведущих специалистов по политической модернизации и партийным системам. Таким образом, применение указанных методов и использование разнообразных фактических материалов позволяют провести всесторонний и объективный анализ изменений в партийных системах Центральной Азии. Это помогает выявить основные тенденции и оценить влияние политической модернизации на развитие партийного становления в этом регионе.

Анализ и результаты

В рамках исследования эволюции политических систем в Центральной Азии в условиях политических изменений было проведено сравнительное изучение политических партий и избирательных процессов в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Основные выводы включают анализ уровня конкуренции между партиями, динамику регистрации политических организаций и их участие в парламентских выборах. Также была произведена оценка степени политического развития в указанных странах. Для наглядного представления данных ниже приведена диаграмма, отражающая количественные показатели партийных систем Центральной Азии. Рисунок 1 демонстрирует изменения в количестве зарегистрированных партий в пяти странах Центральной Азии за последние 14 лет.

Рисунок 1. Количество зарегистрированных партий в Центральной Азии (2010–2024)

Источник: составлено автором по данным официальных сайтов Центральных избирательных комиссий стран Центральной Азии

Представленный график 1 отражает динамику числа политических партий в странах Центральной Азии за рассматриваемый период и демонстрирует заметные различия в партийном ландшафте пяти государств. Несмотря на относительное сходство политических традиций, направления развития

партийных систем существенно расходятся. В Казахстане на протяжении всех лет показатель остаётся умеренным и относительно стабильным. Номинальное количество зарегистрированных партий держится на уровне 6–7 организаций, что само по себе не отражает глубины политической конкуренции. Формальная многопартийность сочетается с высокой степенью институционального контроля: сложные требования к регистрации, повышенные барьеры для участия в выборах и доминирование одной политической силы ограничивают возможности для появления новых субъектов политического процесса. Такая ситуация создаёт эффект стабильности, но одновременно сужает пространство для реальной конкуренции. В Кыргызстане картину приходится оценивать более осторожно. На графике отражены только те партии, которые допускались к участию в парламентских выборах, однако этот показатель не отражает масштаб всей партийной системы. Если учитывать официальные данные Министерства юстиции КР, то количество зарегистрированных политических партий в стране существенно выше: от около 100 организаций в 2010 году до более 280–290 партий к 2024 году. Однако в выборном процессе фактически участвуют лишь 15–20 партий. Это объясняется низким уровнем институциональной готовности большинства партий, слабой организационной структурой и фрагментированностью политического поля. Тем не менее даже сокращённый выборочный показатель, отражённый на графике, показывает: именно Кыргызстан сохраняет наиболее разнообразную и динамичную партийную среду в регионе, что делает его единственной страной ЦА с устойчивыми элементами конкурентной многопартийности. В Узбекистане ситуация характеризуется стабильностью формальных параметров: число зарегистрированных партий колеблется в пределах 5–6. Несмотря на декларируемые реформы и постепенное расширение политического поля после 2016 года, партийная система остаётся управляемой, а ключевые политические центры сохраняют контроль над основными каналами участия. Поэтому стабильность показателя скорее отражает ограниченность политической конкуренции, чем устойчивость партийной среды. В Таджикистане заметно минимальное колебание: число партий держится в пределах 6–8. Такая стабильность объясняется не зрелостью партийной системы, а её закрытостью. Доминирующая Народно-демократическая партия фактически определяет политическую повестку, а пространство для альтернативных структур предельно ограничено. Это приводит к сохранению формального плюрализма без реального соперничества. Туркменистан демонстрирует наиболее жёсткую модель. На протяжении всего периода действует 2–3 партии, и этот показатель не меняется. При отсутствии реальных механизмов политической конкуренции партии выполняют преимущественно символическую функцию, обеспечивая видимость многопартийности при фактическом сохранении однопартийной логики управления.

Сравнение данных показывает: чем более закрытой остаётся политическая система государства, тем меньше используется потенциал партий для представительства интересов общества. Кыргызстан, несмотря на внутреннюю турбулентность, остаётся единственной страной региона, где можно говорить о реальном политическом многообразии. Казахстан и Узбекистан демонстрируют умеренный, но управляемый плюрализм, а Таджикистан и Туркменистан сохраняют жёсткие ограничения, препятствующие развитию

партий. Общий же тренд в Центральной Азии подтверждает: даже при различиях партийные системы большинства стран сталкиваются с институциональными барьерами, которые сдерживают развитие полноценной политической конкуренции.

Анализ динамики участия политических партий в парламентских выборах Казахстана показывает, что до 2022 года партийная система действительно оставалась ограниченной и малоизменчивой. В 2012 году в выборах участвовало семь партий, однако уже к 2016 году их число сократилось до шести, а в 2021 году — до пяти. Эта тенденция отражала особенности прежней политической модели, ориентированной на доминирование одной политической силы и поддержание контролируемой конкурентности. Система оставалась закрытой для новых участников: жёсткие регистрационные требования и отсутствие стимулов к политической конкуренции приводили к постепенному сужению партийного поля. Ситуация изменилась после конституционной реформы 2022 года. Переход к смешанной избирательной системе, снижение барьеров для регистрации партий и расширение полномочий парламента создали условия для реального обновления политического пространства. Итоги выборов 2023 года стали подтверждением этих институциональных изменений: в электоральном процессе снова приняли участие семь политических партий — столько же, сколько в 2012 году, но уже в принципиально иной политической конфигурации. Таким образом, прежняя тенденция сокращения числа партий, участвовавших в выборах, сменилась обратным движением. Рост их количества в 2023 году отражает начало постепенного расширения политического поля и свидетельствует о том, что модернизационные процессы начали проявляться не только на уровне нормативных актов, но и в реальной партийной конкуренции.

Кыргызстан остаётся наиболее политически разнообразной страной региона, но в отличие от других государств формально зарегистрированных партий здесь значительно больше, чем отражено в парламентских результатах. Если в 2010 году в стране насчитывалось около ста партий, то к 2024 году их число приблизилось к трём сотням. Однако в электоральном процессе стабильно участвуют примерно 15–20 партий, и лишь 4–6 из них получают мандаты. Такая разница объясняется не искусственными ограничениями, а высокой фрагментацией партийного поля и частыми изменениями избирательных правил. Несмотря на это, именно Кыргызстан демонстрирует наиболее конкурентный формат выборов, что подтверждается представленными данными.

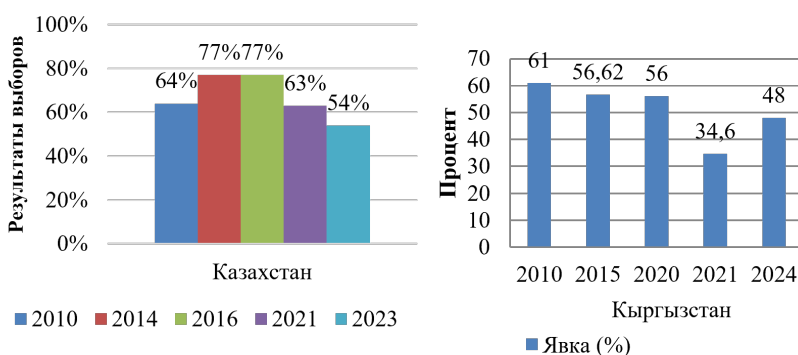
В Узбекистане наблюдается постепенное расширение парламентского представительства: с двух партий в 2010 году до пяти в последние годы. Однако этот рост следует трактовать осторожно. Политическая система Узбекистана остаётся структурно управляемой, а ключевые институты власти удерживают значительный контроль над партийным процессом. Формальное увеличение числа фракций не означает роста реальной политической конкуренции, но отражает постепенную корректировку официального курса после 2016 года. В Таджикистане ситуация остаётся наиболее стабильной и закрытой: хотя формально действует несколько партий, парламентское представительство на протяжении многих лет сохраняется на уровне двух политических сил. Это связано с жёсткой партийно-государственной моделью

и отсутствием условий для полноценной конкуренции. Верхняя палата — Маджлиси миллий — в значительной степени формируется за счёт назначений, что дополнительно снижает степень разнообразия мнений. Туркменистан демонстрирует минимальные параметры политического плюрализма: хотя с 2012 года в стране зарегистрированы три партии, парламент на практике функционирует как инструмент подтверждения курса действующей власти. Несмотря на присутствие нескольких организаций, идеологического или политического соперничества между ними не наблюдается.

В целом представленная динамика показывает, что политическая конкуренция в большинстве стран Центральной Азии остаётся ограниченной и во многом определяется институциональной архитектурой власти. Лишь Кыргызстан демонстрирует устойчивую многопартийность, тогда как Казахстан и Узбекистан движутся в направлении управляемой либерализации. Таджикистан и Туркменистан сохраняют жёсткие модели, не допускающие значимых изменений в политическом составе высших представительных органов.

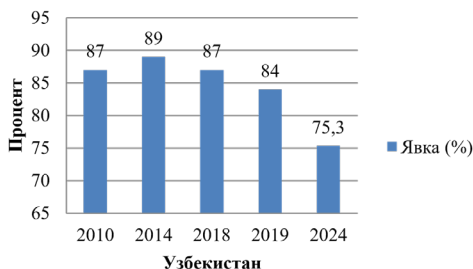
Для оценки политической активности граждан рассмотрим уровень явки на выборах. Ниже представлена таблица с процентами явки на парламентских выборах в 2010–2024 гг.

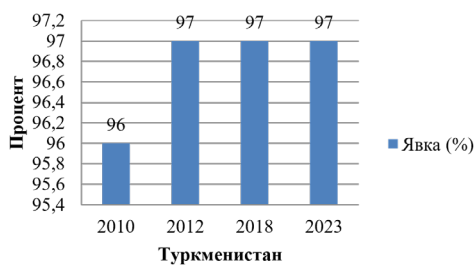
Рисунок 2. Уровень явки на парламентских выборах в Казахстане и Кыргызстане (%)

Источник: составлено автором по данным ЦИК стран ЦА, Freedom House и ОБСЕ

Рисунок 3. Уровень явки на парламентских выборах в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане (%)

Источник: составлено автором по данным ЦИК стран ЦА, Freedom House и ОБСЕ

Динамика электорального участия в странах Центральной Азии демонстрирует заметные различия, отражающие особенности политических режимов и степень доверия населения к избирательным институтам. В Казахстане динамика явки избирателей демонстрирует тенденцию к постепенному снижению, что отражает общий процесс трансформации политической системы и изменение общественных настроений. В 2010 году явка составляла около 64%, однако в последующие электоральные циклы показатель снижался: 77% в 2014 и в 2016 гг., 72%, 63% в 2021 году, а в ходе последних парламентских выборов 2023 года — 54%. На фоне политической модернизации, инициированной после событий 2022 года, снижение явки приобретает новое значение. Ключевая причина заключается не только в усталости общества от длительного доминирования одной политической силы, но и в росте критического восприятия институциональных механизмов, которые долгое время оставались практически неизменными. Несмотря на появление новых политических партий в результате реформы законодательства и перехода к смешанной избирательной системе, электоральная активность не получила существенного импульса. Для части избирателей расширение партийного поля, появление одномандатных округов и ослабление президентской модели пока не воспринимаются как фактор, способный изменить расстановку сил. Это объясняет, почему снижение явки происходит параллельно с расширением партийного представительства: модернизационные меры в институциональном плане пока опережают изменения в восприятии выборов со стороны граждан.

В Кыргызстане за рассматриваемый период наблюдается устойчивое снижение явки. Если в 2010 году на выборы пришли около 61% избирателей, то к последнему электоральному циклу показатель сократился примерно до 48%.

Такая динамика особенно значима, учитывая, что Кыргызстан считается наиболее конкурентной партийной системой региона. Однако снижение участия избирателей здесь, по всей видимости, связано не с отсутствием политической конкуренции, а с нарастающим недоверием к государственным институтам, частой сменой избирательных правил и чередой политических кризисов, которые подрывают уверенность граждан в эффективности выборов как механизма воздействия на власть. В Узбекистане электоральная активность традиционно остаётся высокой, хотя также демонстрирует тенденцию к постепенному снижению. В 2010 году явка составляла примерно 87–89%, а к 2024 году опустилась до 75–82% в зависимости от типа и уровня выборов. Снижение не является резким, что отражает характер узбекской политической системы, где участие в выборах во многом обеспечивается административным контролем и высокой степенью управляемости политического процесса. Несмотря на более заметную активизацию политических реформ последних лет, реальная степень конкурентности выборов остаётся ограниченной. В Таджикистане ситуация близка к узбекской: на протяжении 2010–2024 годов официальные показатели явки практически не опускались ниже 80–86%. Такие значения объясняются спецификой местной политической системы, где участие в выборах воспринимается скорее как обязательная административная процедура, чем как свободный акт политического выбора. Ограниченность политической конкуренции и доминирующая роль правящей партии создают условия, при которых высокая явка становится ожидаемым элементом электоральной модели. Туркменистан демонстрирует самую стабильную и при этом аномально высокую явку в регионе: в течение всего периода показатель остаётся в диапазоне 96–97%. Формальная неизменность таких цифр отражает характер туркменской политической системы, где выборы выполняют символическую функцию подтверждения курса действующей власти, а не являются механизмом политического соперничества. В условиях отсутствия альтернативных кандидатов и тотального административного контроля высокая явка скорее свидетельствует о ритуализированном характере избирательного процесса, чем о реальном гражданском участии.

Таким образом, несмотря на общую тенденцию к снижению участия избирателей в некоторых странах региона, электоральные модели Центральной Азии остаются крайне неоднородными. Кыргызстан демонстрирует падение явки на фоне конкурентной среды и институциональной нестабильности, тогда как Узбекистан, Таджикистан и особенно Туркменистан сохраняют высокие показатели, объясняемые скорее властным контролем, чем степенью политической вовлечённости населения.

Результаты проведённого исследования явно показывают, что несмотря на общую историческую и культурную близость стран Центральной Азии, их партийные системы развиваются по-разному. В то время как Кыргызстан продемонстрировал определённую динамику и плюрализм, в других странах региона, особенно в Туркменистане и Таджикистане, развитие партийной конкуренции остаётся чрезвычайно ограниченным. Одним из самых стабильных тенденций является уменьшение числа действующих политических партий в Казахстане и Узбекистане. Такая ситуация отражает не только внутренние политические процессы, но и наличие институциональных ограничений: сложные процедуры регистрации партий, высокие барьеры для

участия в выборах; административный контроль над деятельностью партий и недостаточная поддержка гражданского общества. Важно понимать, что в большинстве стран региона партии скорее выступают как инструменты государственной легитимации, а не как самостоятельные политические субъекты. Их участие в выборах часто имеет формальный характер и практически отсутствует реальная политическая конкуренция. Исключением здесь является Кыргызстан со своей более активной политической жизнью и определенным уровнем свободы для партийной деятельности - что подтверждается как числом зарегистрированных партий, так и их присутствием в парламенте. Почему политическая борьба не развивается настолько стремительно? Отчасти, потому что условий для справедливой и радикальной конкуренции не хватает. Во многих случаях граждане теряют интерес к участию в выборах из-за предварительно известного результата. Сокращение явки - особенно в Казахстане и Кыргызстане - свидетельствует о усиливающемся чувстве разочарования и недоверия к политическим структурам общества. Если люди лишены реального выбора, то постепенно пропадает желание голосовать.

Какие варианты развития могут быть предложены?

1. Сохранение текущего положения — политическая среда остается стабильной и недвижимой с небольшим количеством конкуренции и большим уровнем контроля. Это наиболее вероятный сценарий для Таджикистана и Туркменистана.

2. Постепенное освобождение - как например в Узбекистане, где видны осторожные шаги к увеличению участия партийных структур даже в рамках существующей политической системы.

3. Реальное улучшение демократии происходит в случае повышения активности гражданского общества и давления от общества в целом и особенно от молодежи при заинтересованности властей в законных институтах.

Исследование показывает, что партии в Центральной Азии пока не играют ключевую роль в демократической системе полностью. Однако различия между странами подталкивают нас к мысли о возможных позитивных изменениях в будущем — при наличии политической воли, общественного требования и поддержки демократических процессов со стороны международного сообщества.

Обсуждение

Результаты данного исследования подтверждают предположение о неравномерном воздействии политической модернизации в Средней Азии на эволюцию партийных систем. Несмотря на общее наследие после советских времен, траектории политической конкуренции и множества партий в пяти изученных странах значительно различаются. При сравнении наших результатов с работой Каммингса [17] становится очевидным, что Казахстан и Узбекистан продолжают придерживаться модели контролируемого политического либерализма: формально существуют многопартийные системы, но реальная конкуренция ограничена. В обоих исследованиях партийные структуры характеризуются административными барьерами и низкой предсказуемостью выборов; доминирующие партийные организации препятствуют развитию реальной оппозиции. Однако в обоих случаях обстановка в Кыргызстане опи-

сывается как довольно плюралистичная и немного нестабильная. Наши исследования указывают на то, что в Кыргызстане наблюдается наибольшее количество партий в парламенте по сравнению с другими странами региона. Это соответствует концепции «конкурентного авторитаризма», описанной Левицким и Уэем. Политическая система Кыргызстана отражает особенности институциональной среды, где политические элиты борются за власть, сохраняя при этом предпочтение чиновникам. Это расхождение подтверждается отчетом Freedom House [22], который относит Кыргызстан к категории «частично свободных» стран, в отличие от других государств Центральной Азии, оставшихся «несвободными». Наши анализы по явке на выборы и изменениям в регистрации политических партий подтверждают заключения Freedom House о сокращении политического пространства в странах Казахстан, Таджикистан и Туркменистан. Одним из ключевых результатов этого исследования является конкретное сравнение показателей электоральной конкуренции в этих регионах. Хотя количество официально зарегистрированных партий в этом районе уменьшилось, последствия этого процесса разнообразны. В Казахстане снижение активности выборов свидетельствует о росте централизации власти и ограничениях в законодательстве. В то время как в Узбекистане это может указывать на проводимые контролируемые реформы с целью продемонстрировать политическую открытость при сохранении доминирования элиты. Этот феномен также был освещен Коллинзом [14] в контексте сохранения режима на клановых основаниях. Еще одним отличием является участие избирателей. Наше исследование показывает значительное снижение активности избирателей в Казахстане и Кыргызстане, что может отражать увеличивающуюся политическую апатию и недоверие к честности выборов. В Туркменистане и Таджикистане явка на выборах всегда остается высокой — хотя, возможно, она иногда немного завышена. Здесь выборы чаще всего воспринимаются как способ подтверждения легитимности режима и не столько как механизм отчетности перед общественностью.

Это исследование вносит свой вклад в обсуждение о том, насколько эффективными могут быть партийные системы как средство для политической модернизации. В то время как предыдущие исследования сосредотачивались на структурных аспектах (например: юридическая основа и избирательные системы), наши результаты подчеркивают роль гражданского участия и политического доверия как ключевых факторов. Уменьшение явки избирателей и упрощение многообразия партий говорят о том, что модернизация без настоящей либерализации может привести к застою в демократии.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ демонстрирует, что политические системы государств Центральной Азии развиваются в разных траекториях, отражающих их институциональную зрелость, степень открытости и характер политического режима. Казахстан после конституционных реформ 2022 года формально перешёл к более конкурентной модели, включая снижение барьеров для регистрации партий и внедрение смешанной избирательной системы. Однако эти институциональные изменения пока не трансформировались в устойчивый рост партийной конкуренции: на практике парламент остаётся доминируемо одной политической силой, а уровень участия граждан в выбо-

рах снижается. Это свидетельствует о том, что модернизация политической системы вступила в фазу, когда институциональные реформы опережают общественную готовность к их восприятию. Кыргызстан сохраняет наиболее открытый и разнообразный партийный ландшафт в регионе, что подтверждается как количеством зарегистрированных партий, так и числом политических объединений, которые реально участвуют в выборах. Тем не менее сокращение явки и нарастающая политическая фрагментация указывают на то, что открытость системы не гарантирует стабильности и не исключает кризисов доверия. В этом контексте Кыргызстан выступает уникальным примером, где высокая партийная конкуренция сочетается с институциональной нестабильностью. В Узбекистане прослеживается эволюция от закрытой модели к более разнообразной партийной системе, однако доминирующая партия продолжает играть ключевую роль в принятии политических решений. Несмотря на рост числа партий, расширение электоральной базы и повышение активности официальных институтов, реальное политическое соперничество остаётся ограниченным. Это подтверждает, что реформы в Узбекистане носят поступательный, но контролируемый характер, обеспечивая модернизацию без серьёзных рисков для существующей вертикали власти. Таджикистан демонстрирует наиболее устойчивую модель централизованной политической системы: количество партий остаётся неизменным, а конкуренция сведена к минимуму. Доминирование одной политической силы, ограниченность доступа альтернативных партий к парламенту и высокая официальная явка показывают, что институциональная стабильность здесь достигается за счёт контролируемой политической среды, а не за счёт разнообразия политических позиций. Туркменистан остаётся самым закрытым политическим режимом региона, где политическая конкуренция носит характер формальности. Стабильно высокая явка, неизменный состав парламента и отсутствие политического плюрализма позволяют рассматривать партийную систему Туркменистана как имитационную, выполняющую преимущественно декоративные функции.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет заключить, что модернизация партийных систем в Центральной Азии развивается неравномерно и зависит от сочетания институциональных реформ, политической культуры и характера государственного управления. Казахстан и Узбекистан движутся в направлении осторожной либерализации, однако их партии пока сохраняют ограниченную способность к конкуренции. Кыргызстан продолжает оставаться наиболее динамичной и открытой системой, но сталкивается с проблемой институциональной нестабильности. Таджикистан и Туркменистан демонстрируют устойчивое воспроизводство моделей, основанных на доминировании власти и минимальной политической конкуренции.

В совокупности эти результаты подтверждают, что политическая модернизация в регионе зависит не только от формальных реформ, но и от готовности государственных институтов создавать условия для реальной партийной конкуренции и расширения гражданского участия. Результаты исследования позволяют использовать выявленные тенденции в дальнейших исследованиях процессов трансформации политических режимов, а также для разработки рекомендаций по повышению эффективности партийных систем в Центральной Азии.

Список литературы

1. Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.election.gov.kz>. – Дата обращения: 11.03.2025.
2. Центральная избирательная комиссия Кыргызской Республики. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shailoo.gov.kg> – Дата обращения: 11.03.2025.
3. Центральная избирательная комиссия Республики Узбекистан. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elections.uz> – Дата обращения: 11.03.2025.
4. Центральная избирательная комиссия Республики Таджикистан. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kmisl.tj> – Дата обращения: 11.03.2025.
5. Центральная избирательная комиссия Туркменистана. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://saylav.gov.tm> – Дата обращения: 12.03.2025.
6. Кара-Мурза С.Г. Политическая культура: от модернизации к демократизации. – М.: Алгоритм, 2019. – 320 с.
7. Сатаров Г. Политические партии в странах СНГ: институциональный анализ. // Полис. – 2020. – №3. – С. 45–60.
8. Сулейменов А. Политическая модернизация в Центральной Азии: вызовы и перспективы. // Центральноазиатский обзор. – 2021. – №2. – С. 22–35.
9. Freedom House. Nations in Transit 2023: Kazakhstan Country Report. – Washington, D.C.: Freedom House, 2023. – 28 p.
10. International IDEA. Political Finance Database: Central Asia. – Stockholm: International IDEA, 2022.
11. Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 384 p.
12. Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 312 p.
13. Melvin N.J. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. – Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. – 256 p.
14. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.
15. Heathershaw J., Schatz E. Paradox of Power and Weakness in Central Asia. // Current History. – 2017. – Vol. 116, No. 792. – P. 331–337.
16. Schatz E. The Soft Authoritarian Tool Kit: Agenda-setting Power in Kazakhstan and Kyrgyzstan. // Comparative Politics. – 2009. – Vol. 41, No. 2. – P. 203–222.
17. Cummings S.N. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations. – London: Routledge, 2012. – 192 p.
18. Laruelle M. Kazakhstan in the Making: Legitimacy, Symbols, and Social Changes. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. – 250 p.
19. Kendzior S. Digital Dissidents: The Internet and the Struggle for Political Change in Uzbekistan. // Central Asian Survey. – 2011. – Vol. 30, No. 3–4. – P. 259–274.
20. Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 120 p.
21. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Office for Democratic Institutions and Human Rights. Election Observation Reports. – URL: <https://www.osce.org/odihr/elections> – Accessed: 14.03.2025.
22. Freedom House. Nations in Transit 2023: Central Asia Overview. – URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2023> – Accessed: 14.03.2025.
23. International IDEA. Political Participation and Representation in Central Asia. – URL: <https://www.idea.int/publications> – Accessed: 15.03.2025.

References:

1. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Respubliki Kazakhstan [Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan]. Ofitsial'nyy sayt

- [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.election.gov.kz>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
2. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Kyrgyzskoy Respubliki [Central Election Commission of the Kyrgyz Republic]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://shailoo.gov.kg>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
 3. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Respubliki Uzbekistan [Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elections.uz>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
 4. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Respubliki Tadjikistan [Central Election Commission of the Republic of Tajikistan]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kmsl.tj>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
 5. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Turkmenistana [Central Election Commission of Turkmenistan]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://saylav.gov.tm>. – Data obrashcheniya: 12.03.2025.
 6. Kara-Murza S.G. Politicheskaya kul'tura: ot modernizatsii k demokratizatsii [Political Culture: From Modernization to Democratization]. – Moscow: Algoritm, 2019. – 320 s.
 7. Satarov G. Politicheskie partii v stranakh SNG: institutsional'nyy analiz [Political Parties in the CIS Countries: Institutional Analysis]. // Polis. – 2020. – No. 3. – S. 45–60.
 8. Suleymenov A. Politicheskaya modernizatsiya v Tsentral'noy Azii: vyzovy i perspektivy [Political Modernization in Central Asia: Challenges and Prospects]. // Tsentral'noaziatskiy obzor. – 2021. – No. 2. – S. 22–35.
 9. Freedom House. Nations in Transit 2023: Kazakhstan Country Report. – Washington, D.C.: Freedom House, 2023. – 28 p.
 10. International IDEA. Political Finance Database: Central Asia. – Stockholm: International IDEA, 2022.
 11. Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 384 p.
 12. Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 312 p.
 13. Melvin N.J. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. – Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. – 256 p.
 14. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.
 15. Heathershaw J., Schatz E. Paradox of Power and Weakness in Central Asia. // Current History. – 2017. – Vol. 116, No. 792. – P. 331–337.
 16. Schatz E. The Soft Authoritarian Tool Kit: Agenda-setting Power in Kazakhstan and Kyrgyzstan. // Comparative Politics. – 2009. – Vol. 41, No. 2. – P. 203–222.
 17. Cummings S.N. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations. – London: Routledge, 2012. – 192 p.
 18. Laruelle M. Kazakhstan in the Making: Legitimacy, Symbols, and Social Changes. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. – 250 p.
 19. Kendzior S. Digital Dissidents: The Internet and the Struggle for Political Change in Uzbekistan. // Central Asian Survey. – 2011. – Vol. 30, No. 3–4. – P. 259–274.
 20. Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 120 p.
 21. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Office for Democratic Institutions and Human Rights. Election Observation Reports. – URL: <https://www.osce.org/odihr/elections>. – Accessed: 14.03.2025.
 22. Freedom House. Nations in Transit 2023: Central Asia Overview. – URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2023>. – Accessed: 14.03.2025.
 23. International IDEA. Political Participation and Representation in Central Asia. – URL: <https://www.idea.int/publications>. – Accessed: 15.03.2025.

Материал поступил в редакцию 24.04.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025